

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 168.522:124.5:167

doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-62-68

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

© *Андрей Михайлович Руденко¹, Виктория Валентиновна Котлярова²*

^{1, 2}*Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, г. Шахты, Россия*

¹*amrudenko@list.ru* ²*Biktoria66@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается человек в мифологической картине мира. Подчеркивается, что миф на протяжении веков служил фундаментом для автономной, ценностной организации мироздания, воспринимаясь не как отражение действительности, а как созданный конструкт, предоставляющий индивидууму ориентиры для принятия решений в критических обстоятельствах. Отмечается, что унаследованное от предков мифологическое мышление по-прежнему оказывает влияние на людей XXI в.

Ключевые слова: мировоззрение, мифологическая картина мира, личность, человек.

Для цитирования: Руденко А.М., Котлярова В.В. Философско-антропологическое измерение человека в мифологической картине мира // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 111. № 4. С. 62-68. doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-62-68.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

The philosophical and anthropological dimension of man in the mythological worldview

© *Andrey M. Rudenko¹, Victoria V. Kotlyarova²*

^{1, 2}*Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Shakhty, Russian Federation*

¹*amrudenko@list.ru* ²*Biktoria66@mail.ru*

Abstract. Man is considered in the mythological picture of the world. It is emphasized that for centuries the myth has served as the foundation for an autonomous, value-based organization of the universe, being perceived not as a reflection of reality, but as a created construct providing an individual with guidelines for decision-making in critical circumstances. It is noted that the mythological thinking inherited from the ancestors still influences the people of the 21st century.

Key words: worldview, mythological worldview, personality, man.

For citation: Rudenko A.M., Kotlyarova V.V. The philosophical and anthropological dimension of man in the mythological worldview. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 111. No 4. P. 62-68. doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-62-68.

Введение

Проблема человека веками оставалась одной из центральных проблем философии. Мыслители каждой эпохи, каждой философской школы пытались разгадать тайну человека. Это стремление никогда не было пустым любопытством. Знания о себе нужны человеку для повседневной жизни для того, чтобы он мог быть человеком. На первый взгляд, эта задача представляется до банального простой, ведь в первую очередь человек определяется своими биологическими характеристиками. Они выделяют его среди других живых существ, указывая на принадлежность к человеческому роду.

Впрочем, как известно, подобная принадлежность является важным, однако не обязательным условием становления человека. Человек формируется в процессе социализации, то есть в процессе усвоения и воспроизведения социокультурного опыта человечества. Это же, учитывая исторически изменчивый характер последнего, дает нам основания предполагать, что понимание сущности и предназначения человека, и тем более личности, в разные исторические периоды и в разных социокультурных средах существенно различались.

Обсуждение

Мифологическая картина мира играет ключевую роль в осмыслении человеком бытия и окружающего пространства. Оно не просто предлагает трактовки загадочных событий, но и способствует укреплению социальных связей посредством общих убеждений и обычаев. Даже в нынешних обществах отголоски мифологического мышления остаются заметными, проявляясь в литературных произведениях, кинематографе и массовой культуре.

Переходя к раскрытию общих закономерностей мифологической картины мира и коллективных представлений первобытных обществ, считаем целесообразным дистанцироваться от сложившихся под влиянием новоевропейской научной философии и господствующих в современном массовом сознании представлений о том, что миф – это просто художественная выдумка, ложный рассказ, сказка, легенда и т.д., даже несмотря на то, что они имеют под собой определенное рациональное зерно. Так, согласно замечаниям А.Ф. Лосева, миф представляет вымысел в том случае, когда мы рассматриваем его с позиции научного, религиозного или художественного мировоззрения, тем самым ограничивая и упрощая его мировоззренческий потенциал.

Последний, по мнению ученого, в полной мере раскрывается при условии, когда мы исследуем миф в контексте общественного сознания первобытного человека. Только так мы можем понять причины искреннего почитания древними греками своего пространного пантеона богов, функции разнообразных амулетов первобытных племен, причины религиозного фанатизма, выраженного в самоистязании и т.п. Эти и многие другие коллективные представления ярко свидетельствуют, что миф для мифологического сознания – это наиболее конкретная, максимально интенсивная и напряженная реальность.

В философско-антропологическом анализе мифологической картины мира мы отвергаем упрощенные модели культуры и общества как совокупности данных в символической форме, чтобы избежать редуционизма. Не менее упрощенным оказывается и представление о мифе или авторитете, предрассудках или правилах, нормах или ценностях лишь как о «искусственных приспособлениях», необходимых для овладения и освоения собственных психических и социальных процессов. Для мифологической картины мира миф – это не выдумка, а реальность, которая, к тому же чрезвычайно далека от случайности и произвола. Для первобытного человека миф является основой самореализации, которая представляет собой «важнейший процесс и результат воплощения человеком своей социокультурной сущности» [7, с. 213]. Эта самореализация опирается на мифологическое сознание как упорядоченную мировоззренчески-практическую систему, регулирующей устоявшийся социальный порядок и обеспечивающей психологическую монолитность первобытного коллектива.

Человек, обладающий мифологическим мировоззрением, интерпретирует происходящее, опираясь на древние мифы. В сознании древнего человека существовала неразрывная духовная связь с природой, обусловленная полной зависимостью от нее. Стремясь подчинить природу своим нуждам, он начал воздействовать на нее сначала посредством словесных обращений, а затем и через конкретные действия. Таким образом, появились мифы и сопутствующие им ритуальные практики.

В мифологическом мировоззрении ритуал выполняет функцию управления поведением в обществе. Основой здесь является убеждение в том, что существующие нормы и порядки перешли по наследству от предшествующих поколений и, таким образом, являются обязательными для каждого члена сообщества. Как отмечают Р. Берндт и К. Берндт, у коренных народов общепринятые модели поведения рассматриваются как наследие минувших времен [1].

В их понимании великие мифические прародители сформировали тот уклад жизни, которого придерживаются современные люди. И поскольку эти мифические предки воспринимаются как вечные и бессмертные существа, то и сам жизненный порядок, установленный ими однажды и навсегда, должен оставаться неизменным.

Ритуал, как воссоздание установленного миропорядка, стал главным фактором реализации человека, который именно здесь приобретал собственное значение – культовая практика открывала возможность для установления неразрывной связи живых, мертвых и нерожденных, в циклическом круге вечного перерождения. Это лишало отдельного человека собственной самооценности, и ценность каждого человека была определена его ролью в воспроизведении вечного коловорота жизни, вечной гармонии мира. Ритуалы играют важную роль в создании ощущения безопасности и уверенности, помогая человеку избавиться от тревоги.

Они, безусловно, являются характерной чертой мифологического сознания. Тот факт, что ритуалы по-прежнему распространены в современном обществе, свидетельствует о сохранении их значимости. Вспомним известные суеверия, связанные с черными кошками, пустыми ведрами или птицами, влетающими в дом. Несмотря на логическое понимание абсурдности подобных верований, унаследованное от предков мифологическое мышление по-прежнему оказывает влияние на нас, людей XXI в. Это заставляет нас совершать различные необычные действия, которые, как мы надеемся, защитят от неприятностей. Только совершив эти действия, мы обретаем внутреннее спокойствие.

На протяжении веков миф служил фундаментом для автономной, ценностной организации мироздания, воспринимаясь не как отражение действительности, а как созданный конструкт, предоставляющий индивиду ориентиры для принятия решений в критических обстоятельствах. Мы соглашались с мнением Э.А. Коблевой «Мифология часто используется как усилитель ценностей. Миф позволяет заострять тот или иной аспект ценности, гиперболизировать ее, а следовательно, подчеркивать» [2, с. 69]. Являясь реальностью, формирующей смыслы для человека, миф создает такую ситуацию взаимодействия человека с окружающим миром, где мир предстает не как объективная данность, а как пространство для творческого раскрытия потенциала индивида.

Важнейшим тезисом для нашего исследования, на который мы также опираемся, выступает мысль Б. Малиновского, что «и магия, и религия – это не просто доктрины или философии, не просто системы умственных взглядов, а особые типы поведения, прагматические установки, построенные в равной степени на здравом уме, чувстве и воле. Это и образ действия, и системы верований, и социальные феномены, и личные переживания» [5, с. 26]. Рассматривая человека в мифологической картине мира, мы опираемся на то, что «истина мифа», как выразился К. Хьюбнер, вполне возможна в его функциональности, социальной конструктивности, фабрикации коллективности, конструировании идентичностей, концептуальном описании социального пространства и времени, расстановке и разметке ценностей [9].

Искажение сущности и функций мифа в первобытном обществе чаще всего вызвано терминологическими противоречиями, возникающими из-за некритического применения парадигмальной сетки современного мировоззрения в процессе исследования особенностей первобытного мышления. Такой подход формируется на основе ложной веры в неизменность и универсальность умственных функций человека на всех этапах общественного развития.

Благодаря этому неразрывному единству с природой, человек, как чрезвычайно метко утверждает Х. Ортега-и-Гассет, «сохраняет ту дремотную апатию, в которой живет растение» [6, с. 111]. Это же, в свою очередь означает, что мифологическое мировоззрение вплетает человека и общество в естественный процесс. Здесь человек еще не способен формировать те моральные правила и наставления, которые проявляются на уровне религиозного мировоззрения или абстрактных понятий (Бог, субстанция, причина, время и т.д.), присущих философии. Мифологический субъект живет в согласии с природой, своими собственными инстинктами и влечениями и полностью включен в общий естественный процесс и

мировой коловорот и не знает ничего, что могло бы предстать вне его. Иначе говоря, на уровне мифологического сознания человек живет в полной гармонии с собой и Вселенной.

На протяжении тысячелетий мифологическое восприятие мира оказывало глубокое влияние на культурную адаптацию множества поколений. Раз за разом повторялись сценарии, где миф служил обоснованием человеческих стремлений и жизненного предназначения. Именно эти «повторяющиеся ситуации дали возможность людям определить своё место в уникальной, наполненной смыслом реальности. В этом и заключается сила мифа, его высшие истины, которые зачастую превосходят значимость простого соответствия фактам» [3, с. 24]. Такие условия объясняют, почему любой миф может вступать в противоречие с определёнными событиями и фактами. Миф предоставляет человеку нечто бесценное, что выходит за рамки простого знания, а именно ощущение смысла жизни. Он дает ориентиры и отвечает на фундаментальные вопросы о бытии.

Свойственный мифологическому сознанию синкретизм не дает оснований говорить о том, что чувства человека не улавливают того разнообразия предметов и явлений, которое сегодня наблюдаем мы. Несмотря на это, считаем целесообразным согласиться с утверждением Л. Леви-Брюля и признать, что мифологическое сознание не способно воспринять физические явления и процессы в том смысле, в каком сегодня воспринимаем их мы. Наблюдая за дуновениями ветра, дождем или стремительным потоком воды, первобытный человек не накладывал на них причинно-следственные связи, а воспринимал их в контексте синкретического единства мира.

В мифологическом сознании чувственные данные, вероятно, служившие основой познания, окружались столь же плотным слоем социальных представлений. Между тем, в отличие от современного человека носитель мифологического сознания «даже не подозревал о возможности подобного различения ядра и обводящего его слоя представлений, у него восприятие еще совсем не расчленено» [4, с. 35]. Принимая во внимание определенные Л. Леви-Брюлем особенности мифологического сознания, имеем основания говорить о неповторимом видении реальности мифологическим субъектом. Для него мифологические персонажи и образы (боги, циклопы, титаны, демоны и т.д.) предстают живой реальностью и мыслятся буквально, то есть как существующие на самом деле.

Иначе говоря, мифологическое сознание не знало присущего современному человеку различения между воображаемым (иллюзорным или обманчивым) и подлинным, между образом и реальным предметом. Этот синкретизм мифологического сознания порождал не только полнейшее равнодушие к противоречиям, но и бесконечную цепь мистических ассоциаций, выстроенных на основании мистических связей предметов и явлений и нередко противоречащих здравому смыслу. Впрочем, для мифологического сознания нет ничего противоречивого в мистическом уподоблении человека животным, растениям или вещам, или же в восприятии изображения как реального двойника изображаемого.

По словам Л. Леви-Брюля, синкретизм мифологического мышления и неразличимость представлений, вызваны верой в сопричастность между существами и (или) объектами. В ранних коллективных верованиях причинно-следственные связи не определяли природу вещей и событий. С точки зрения современного разума, это кажется нелогичным, бессмысленным и парадоксальным, поскольку объекты обладали непостижимой способностью быть одновременно очевидными и чем-то принципиально отличным. Впрочем, для мифологического сознания мистические силы и качества, которые находятся вне зримых предметов, предстают такими же несомненными, как и сами предметы. Эту особенность Л. Леви-Брюль называет «законом партиципации» (участие и сопричастности), считая ее главной особенностью мифологического образа мира.

Это основополагающее для мифологического сознания единство природного и духовного, по нашему мнению, определило своеобразие мифологического представления о Боге, который на этом уровне общественного сознания не мог вырасти до уровня тотального, проявляясь, равно как и все естественное, только в виде единичного, то есть через обожествле-

ние Солнца, Луны, неба или их природных стихий. Благодаря проявлениям духа через единичное, в мифологическом сознании слово остается неизменно связанным с определенной вещью, существом или фактом, так же как те с необходимостью будут определены словом.

Такое неразрывное единство проявляется во всей полноте своей конкретности, формируя широкий простор для развития мифологического мистицизма, нередко определенного разнообразием вербальных обозначений. Это же, в свою очередь, дает нам основания опровергнуть еще актуальные сегодня просветительские предубеждения относительно познавательного потенциала представителей ранних культур, которые имели пространственный арсенал благодаря тому, что обозначали динамику природных явлений, свойства природных объектов и мистических связей между ними разными словами, схватывавшими существенные в определенный конкретные ситуации характеристики.

Присущая мифологическому сознанию склонность смотреть на мир сквозь призму собственной субъективности придавала мифам весомое социогенное значение. Руководствуясь законом партиципации, мифологическое сознание без всяких оговорок экстраполировало на естественные процессы и явления социальные формы жизни, и наоборот. Указывая на присущую мифологическому сознанию способность переносить на природные объекты человеческие свойства и черты, тем самым придавать богам антропоморфный вид, считаем необходимым дополнительно подчеркнуть предельную конкретность их содержательного наполнения.

Важная черта мифологического сознания – поляризованное восприятие явлений, вызывающих яркие эмоции. Иными словами, существуют объекты, к которым человек испытывает противоречивые чувства. Это связано с их мощной энергетикой, выделяющей их из обычного мира. Равнодушие к ним невозможно – они вызывают либо влечение, либо отторжение. Недаром говорят, что любовь и ненависть разделяет тонкая грань. Человек ощущает, что это явление чуждо, но в то же время оказывает значительное влияние.

В качестве примера из современной жизни можно привести свадебные традиции, связанные с кошками. В одном селе присутствие кошки на свадьбе считается залогом счастливой семейной жизни. В другом, расположенном неподалеку, например, всего в 50 километрах, кошек на свадьбе избегают по противоположной причине. В повседневной жизни в обоих селениях кошки воспринимаются как обычные животные, лишённые сверхъестественных свойств. Однако во время свадебного обряда кошка приобретает роль символа, от которого якобы зависит успех всего мероприятия.

Показательно, что эта гармония касалась не только социальной, но и природной среды, органической частью которой был и человек. В результате ритуал и порожденные им мистические переживания, обусловленные непосредственным размытием единичного в общем, рассматривались как подлинная жизнь, как то, что делает человека человеком [11, р. 21]. Однако подчеркнутая нами человечность человека приобрела определенное значение в контексте того же мифологического мышления с присущим ему совмещением диахронии и синхронии, при котором прошлое (миф или мифологизированное предание) выступает как объяснение настоящего, а иногда и будущего [8, с. 12–13].

Приведенные примеры указывают на то, что в мифологическом сознании не было места для единичных предметов, явлений или существ. Не стал исключением и сам человек. Он реализовывался только через вхождение в род, как, например, женщина в свадебной обрядности входит в род мужчины, или подросток проходит инициацию и становится членом мужской общины. Не менее отчетливо, как минимум в русской культуре, проявлялось родовое единство, предусматривавшее как вертикальный, так и горизонтальный срез. В этом контексте, показательными, на наш взгляд, могут стать мотивы сказок, где неоднократно эксплицируется мысль о том, что душа прячется в иголке, иголка – в яйце, положенном в утку, а утка – в зайце, и когда яйцо разбили, Кощей умер.

Несмотря на присущую мифологическому сознанию интенцию на самоопределение человека в социуме путем воспроизведения устоявшихся образцов поведения, представляется, что именно в это время прорастают первые ростки становления личности. Ее прообразом в

древней культуре может стать фигура шамана, занимавшего амбивалентное значение в пропитанном мифологическими представлениями социуме. Согласно вполне аргументированным выводам М. Элиаде, шаманы – это личности, которые выделяются на фоне своих общественных групп определенными чертами, которые в культурах современной Европы считаются признаками «призвания» или по крайней мере «религиозного кризиса» [10]. От других членов сообщества их отличает интенсивность их личного религиозного переживания.

Выводы

В силу относительной стабильности человеческой психики, элементы мифологического сознания обнаруживаются у многих людей и в наши дни. Сохранение этих явлений указывает на то, что мифологическое восприятие реальности остаётся актуальным даже в современном мире. Каждый человек волен выбирать свои убеждения, и приверженность язычеству, в противовес христианству или науке, не свидетельствует об интеллектуальной неполноценности. Напротив, это может быть проявлением самобытности и культурной идентичности.

Для мифологической картины мира, миф – это не выдумка, а упорядоченная мировоззренчески-практическая система, регулирующая устоявшийся социальный порядок и обеспечивающая психологическую монолитность первоначального коллектива. Особенность мифологического сознания заключается в отсутствии присущего современному мышлению различения воображаемого и подлинного, образа и реального предмета. Из-за этого порожденные мифологическим мышлением представления неразрывно связаны с потоком явлений природы и человеческой жизни и не возвышаются над миром видимым, что и стало причиной того, что для мифологического сознания природа является той силой, которая предлагает законы, повеления и стандарты для руководства человека.

Мифологический субъект живет в согласии с природой, своими собственными инстинктами и влечениями и полностью включен в общий естественный процесс и мировой водоворот и не знает ничего, что могло бы предстать вне его. В это время человек не мыслит себя индивидуально, то есть отделенным от рода, а тот из природы, так же как община не отделяла себя из природы, на которую экстраполировала особенности внутренней жизни и общественных отношения. Благодаря этому природа стала единым большим обществом, а человек приобрел важное космическое значение – его призвание сохранять гармонию и порядок в мире.

Наделяя человека большой космической силой, миф тем самым отнимает у него самоценность. Для мифологического сознания человек отделен от традиции и от социума, не имеет никакой ценности, ибо он нарушает естественный и синкретический порядок жизни, разрушает вечную гармонию, которая постоянно воспроизводится благодаря разнообразным культовым практикам. Между тем именно на этом уровне развития общественного сознания проявляется интенция на выделение человека из природного целого и созидание собственного уникального мира.

Список источников

1. Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев / Авт. предисл. В.Р. Кабо. М.: Наука, 1981. 447 с.
2. Коблева Э.А. Значение мифа в современном социуме // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 68–71.
3. Котлярова В.В., Шубина М.М. Ценностный потенциал мифа в современной культуре // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12 (92). С. 22–29.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
5. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. с исп. А. Гелескула. М.: АСТ, сор. 2016. 253 с.

7. Руденко А.М. Философский анализ акмеологических основ достижения вершин самореализации личности в предпринимательской деятельности // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 212–221.
8. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). Очерки истории естественнонаучных взглядов в древности. М.: Наука, 1982. С. 8–41.
9. Хюбнер К. Истина мифа / Пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448 с.
10. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
11. Rappaport R.A. Ritual and Religion in the Making of Humanity. Cambridge University Press, 1999. 557 p.

References

1. Bern R.M., Bern K.H. The World of the First Australians / Author's preface by V.R. Kabo. M.: Nauka, 1981. 447 p.
2. Kobleva E.A. The significance of myth in modern society // Theory and practice of social development. 2009. No. 1. P. 68-71.
3. Kotlyarova V.V., Shubina M.M. The value potential of myth in modern culture // Society: philosophy, history, culture. 2021. No. 12 (92). P. 22-29.
4. Levi-Bruhl L. Supernatural in primitive thinking. Moscow: Pedagogika-Press, 1994. 608 p.
5. Malinovsky B. Magic, science and religion / Translated from English. M.: Refl-buk, 1998. 304 p.
6. Ortega y Gasset H. The uprising of the masses / Translated from Spanish by A. Geleskula. M.: AST, cor. 2016. 253 p.
7. Rudenko A.M. Philosophical analysis of the acmeological foundations of achieving the peaks of personal self-realization in entrepreneurial activity // Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. 2022. No. 1. P. 212-221.
8. Toporov V.N. Primitive ideas about the world (general view). Essays on the history of natural scientific views in antiquity. M.: Nauka, 1982. P. 8-41.
9. Hubner K. The truth of the myth / Translated from German. M.: Republic, 1996. 448 p.
10. Eliade M. Shamanism: archaic techniques of ecstasy. Kiev: Sofia, 2000. 480 p.
11. Rappaport R.A. Ritual and religion in the formation of humanity. Cambridge University Press, 1999. 557 p.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 18.05.2025; принята к публикации 18.05.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 18.05.2025; accepted for publication 18.05.2025.